

Аффективность как атрибут новой субъектности: онтологическая и гносеологическая реконфигурация

Е.В. Ходус*

Днепропетровский национальный университет имени Олеся Гончара, г. Днепропетровск, Украина

*Corresponding author: farewellbo@rambler.ru

Paper received 18.05.15; Revised 22.06.15; Accepted for publication 24.06.15.

Аннотация. В статье артикулируется проблема феноменологической реинтерпретации эмоционального компонента субъективности, актуализация которого связана с процессом «социальной приватизации» как расширения сферы частной жизни – телесного, интимного, внутреннего мира. При этом акцент делается на специфике актуализации эмоционального «Я» как значимого модуса жизнестворчества личности непосредственно в атмосфере «общества переживаний». Указанные тенденции рассматриваются на общем фоне переориентации современной теории в сторону «философии от первого лица».

Ключевые слова: субъектность, «эмоциональный поворот», социальное «Я», эмоциональное «Я», «общество впечатлений», экономизация эмоций

Заявленное в заглавии статьи обращение к эмоциональным аспектам субъективности вполне контекстуально методологическому инструментарию современной феноменологической работы, особенно в ее французском варианте, выводящем в фокус научного интереса «аффицированного собственной историей эмпирического субъекта, который играет роль посредника или связующего звена между феноменологом и сокрытыми от него феноменами» [8, с. 4]. Реабилитировав вслед за М. Хайдеггером аффективность в качестве концепта, обладающего серьезной дискурсивной силой, французская феноменология (вернее (пост)феноменология) превращает субъекта из того, кто воспринимает и познает мир в того, с кем что-то случается – «опыт, созерцание, отношение с другими, жизнь и смерть» [16, с. 88]. Иными словами такая субъективность оказывается активно участвующей в бытие, в том числе участвующей эмоционально, «пассивно», однако без негативной смысловой коннотации этой дефиниции, а, напротив, в значении важности аффективных состояний человеческой души, страстей, эмоций, чувств, которые отныне не нужно подавлять, уравнивать другими аффектами, либо подчинять рациональным интересам. Как отмечает А. Ямпольская «отрицательное понятие пассивности замещается позитивно определенным поднятием аффективности, которая предшествует любым действиям агента и участвует в их конституировании» [16, с. 89-90]. Подобная реконфигурация исследовательского поля, долгое время пренебрегавшего темой эмоций и эмоционального опыта, следствие активной (ре)гуманизации «философии общества» в целом, заявившей о себе целой серией «поворотов» – феноменологическом, онтологическом, коммуникативном, прагматическом, лингвистическом и прочих. В этом смысле «эмоциональный поворот», в результате которого в социальное-гуманитарном знании возникло новое представление о природе и роли эмоций в человеческом обществе, следует рассматривать как своеобразный дисциплинарный сигнал, указывающий на то, что происходят не просто общественные изменения, а трансформируется сама структура человеческого бытия. Нынешний тип отношений индивида к обществу, к самому себе, к «Другому», характеризуется рядом таких понятий как «индивидуализация», практики «заботы о себе», «персонификация», «психологизация

повседневности», «эстетизация», «интимизация» ценностей культуры. Эти понятия, вместе взятые, составляют содержательное поле феномена приватности.

Действительно, анализ современной общественной практики показывает, что типичным модусом осуществления человеческой жизнедеятельности все больше становится модус частного бытия с его семантикой естественности, сокровенности, чувственности, эмоциональности. В условиях наличных господствующих конфигураций социальной жизни именно частная сфера становится пространством реальной личной активности, самостоятельности и самодостаточности индивида. Обнаружилось, что для современного человека приватность стала тем ценностным идеалом, который определяет в конечном итоге, стратегии его поведения. Одной из причин снижения доминантного статуса публичной сферы как сферы «больших социальностей», формализованных, безличных отношений и, напротив, привлекательности сферы частной являются тотальное разочарование в политике как таковой, крах идеологических и политических утопий, недоверие «коллективным повествователям». Реалии, в том числе и украинского социума, таковы, что Политика с большой буквы, предполагающая активное участие граждан, все больше уступает свое место «житейской политике», ограниченной сферой частных потребностей индивидов. Схожую мысль мы находим и у А. Турена, полагающего, что чем «современнее общество, тем большее значение предается не институтам и универалистским принципам, а самим действующим лицам. Именно от них должны исходить преобразования, которые не дают сфере приложения социальных и политических действий распасться и исчезнуть вообще» [12, с. 10]. Однако, отдавая приоритет сфере частных интересов, индивиды воздерживаются от какого-либо реального участия в политической жизни общества. В такой ситуации «человек политический» все больше замещается «человеком экономическим», главным образом работающим, владеющим и потребляющим. Политика перестает быть площадкой столкновения различных компетентных мнений, от согласия или несогласия с которыми зависело бы будущее развитие всего общества. Потеряв возможность влиять на формирование структурной организации общества, аполитичные индивиды заняли позицию любопытных наблюдателей, демонстрирующих не только ослабле-

ние интереса к проблемам общего блага, но и к «коллективным повествователям» – политикам, экспертам, журналистам – «знающим субъектам», как раз и уполномоченным привлекать внимание к таким проблемам. В реальной же ситуации, к примеру, украинского обществ, где отсутствуют работающие экспертные площадки, эти «коллективные повествователи» мультиплицируют «оральную демократию» – это те же телеканалы, те же люди на тех же телешоу, кочующие с канала на канал, те же разговоры» ни о чем», либо «о чем», но только разговоры[6].

В результате агора, как «приватно-публичное» пространство (в интерпретации К. Касториадиса [5]) перестала быть местом, граждане имеют возможность поднимать свои личные проблемы до уровня общественных и давать свою частную трактовку проблемам общества, что является сущностью всякой политики, особенно демократической. «В ситуации, когда частные тревоги не переводятся на язык общественных проблем, – пишет З. Бауман, – а посвященные в суть дела и достойные доверия переводчики отличаются, прежде всего, своей недоступностью широкой публике, агора теряет былое очарование и привлекательность. Граждане, перевоплотившиеся в индивидуальных потребителей, покидают ее толпами» [1, с. 17]. Немногие остающиеся пространства приобретают все более узкую функциональность, что не смягчает, а еще больше усиливает последствия дезинтеграционных процессов в обществе. Среди прочих мыслителей, исследующих проблемы социальной атомизации, А. Турен в качестве самой яркой черты современности называет распад системы общезначимых общественных институтов и организаций социального контроля, что и поставило под вопрос функциональность публичной сферы как сферы личностно-значимого действия. Публичная сфера общих ценностей все активнее теснится гедонистическими, эгоистическими, частными интересами индивидуализированных субъектов. Об этом пишет и С. Фласти: «...На смену традиционно публичным местам постепенно приходят частным образом произведенные (нередко на общественные средства), находящиеся в частном владении и распоряжении пространства для массовых скоплений, то есть пространства для потребления» [3, с.96]. Вместе с тем, эта «новая агора» стала сценой, где лишённые власти частные индивиды публично исповедуются, рассказывая о своей частной борьбе со своими частно переживаемыми личными несчастьями [1, с. 17].

Таким образом, на фоне социальной атомизации и индивидуализации жизни происходит возрастание значимости разнообразных форм приватного бытия как зон «освобождения» от общества как сферы принципиальной координации, субъектов власти, связанных с ними рисков, тревожных неопределенностей, онтологических страхов. Приватная реальность по своей природе основана на интимности, иррациональности, раскрепощенной субъективности, живой телесности, психологизации и эмоциональности. В таком контексте современный интерес к эмоциям (и на уровне социально-гуманитарного научного дискурса, и в контексте активной медийной репрезентации эмоциональных кодов) представляет собой не что иное, как попытку объективации внутреннего / при-

ватного мира человека как сферы саморефрентного определения индивидом своих собственных жизненных устремлений.

Соответственно *цель* настоящей статьи состоит в выявлении каузальной связи между процессами «приватизации» социальной реальности и актуализацией эмоциональных концептов (в данном случае эмоционального «Я» в значении модуса новой субъективности), которые сегодня активно вписываются, в том числе, и в «большие нарративы» социальной теории. Говоря о новой субъективности, мы имеем в виду изменения ее природы в траектории движения от цельного современного субъекта – носителя деятельности, сознания, познания, наделенного господствующей ролью учредителя опыта, «сверхсоциализированного» индивида, «автономии, выполняющей закон» к «пост-модернистскому» децентрированному субъекту – переживающему существу, выстраивающему свой жизненный мир, в том числе, и в регистре личного желанья, эмоционального опыта. Как полагает А. Ямпольская «Я перестает быть «тем, кто» действует и мыслит, и превращается в того, «кого» видят (у Сартра или Мерло-Понти), «кого» обвиняют, ранят (Левинас), кому радостно или больно (Анри) или кому дается любая феноменальность» [16, с. 90]. То есть современный субъект определяется не только соотношением с какой-либо сущностью или историей, но и отношением к себе.

Итак, в последние годы в результате отологического поворота во внутренней логике социального теоретизирования после господства парадигмальных дискурсов, построенных на бинарных оппозициях онтология / гносеология, эмоциональное / рациональное, система / жизненный мир, публичное/приватное, индивид / общество, происходит активное смещение исследовательского фокуса к «философии от первого лица», к чувствующему субъекту. Предметом анализа становится «обладающее сознанием эмоционально-выразительное тело, представляющее собой экзистенциальный базис культуры и Я» [10, с.74].

Отсюда – изменение методологической оптики и возникновение интереса к аффективным формам, оставшимся до недавнего времени маргинальными объектами теоретических построений. Эмоциональное, точнее его концептуализацию можно рассматривать как «место сборки» самых разных дисциплин. Так, психологов заинтересовала роль эмоций в принятии рациональных решений; философы обратили внимание на этическую и гносеологическую природу «основных эмоций» – любви, гнева, сострадания, отвращения. В качестве примера такого переосмысления также уместно упомянуть парадигмальный поворот в сторону, «третьей социологии»/«социологии социальной экзистенции» – новой тенденции, фокусирующей внимание на уровне повседневной жизни людей. Как утверждает П. Штомпка, обосновывающий эвристические возможности этого направления, «идея социальной экзистенции сфокусирована на реально происходящее в обществе людей, на уровне между структурами и действиями, где ограничения структур и динамика действий производят реальные, проживаемые и наблюдаемые социальные события, социально-индивидуальные практики, составляющие повседневную жизнь, факти-

чески – единственную жизнь, которая есть у людей, и которая ни полностью детерминирована, ни полностью свободна» [14, с. 4-5]. И действительно «горячими сюжетами» актуального социального теоретизирования становятся темы, до недавнего времени вообще немыслимые в качестве научных. «Серьезные авторы, – отмечает П. Штомпка, – увлеченно пишут книги по вопросам любви, интимности, дружбы, еды вне дома, поп-музыки, покупок, риска, недоверия, одиночества, здоровья и физкультуры, поездок в такси и т.п.» [14, с. 3]. Нынешние студии привязаны к самому простому и самому типичному опыту людей, склонны распылять неуловимые коллективные или межличностные измерения и внутренние механизмы, отличающие пространство именно частного бытия

Таким образом, эмоциональное «Я» как значимый модус актуального социального существования мы рассматриваем в общем контексте реконфигурации отношений между сферой общественного и сферой частного. В условиях современного общества «экспансия разума» задавала предельно рационалистическую логику функционирования публичной сферы, предполагающую вытеснение эмоций на периферию социальной жизни, то есть непосредственно в приватность. Не случайно, та же классическая социальная теория как «дитя модерна», за исключением, пожалуй, З. Фрейда и Г. Зиммеля, всегда стремилась трактовать человека как рациональное существо, сводя к минимуму значение эмоций и иррационального в человеческом поведении, сыграв в итоге решающую роль в обосновании «дисциплинарного общества».

Напротив, в условиях современных реалий интолерантность модерна в отношении частного / публичного как взаимоисключающих категорий, сменяется готовностью признать за приватной сферой право на альтернативное толкование жизненного мира. Сегодня нет жесткой демаркации тем, проблем, чувств, эмоций, состояний, уместных для проявления строго в публичной или приватной сфере. Эмоциональный фактор оказывается все больше включенным в процесс продуцирования знаний о мире и интерпретации этого мира. Социальная теория уже не отрицает аффективных и других «нерациональных» составляющих социальной жизни, признавая правоту идеи, высказанной Н. Элиасом еще в 1938 году. «Мы никогда не поймем, – писал ученый, – отношения между социальными процессами и «психическими», до тех пор, пока мы будем считать психическое статичным и неизменным, пока не увидим психическое «в процессе» [13, с. 30].

Отсюда – исследовательский интерес к феноменологии эмоций, легитимизировавшей эмоции не просто в качестве объекта, достойного внимания, а в значении дискурсивных репрезентаций, определенных актуальной культурой. По мнению Дж. Барбалета «эмоции являются столь же важной движущей силой индивидуального и коллективного поведения, как когнитивные состояния и рациональный расчет» [2, с.3]. Таким образом, присутствие «эмоционального измерения» в социальной теории вполне контекстуально новой онтологической и эпистемологической ситуации.

Соответственно, мы рассматриваем выраженное «эмоциональное Я» как результат «диффузии Я в приватность», погружения и растворения в ней, поскольку

именно в условиях частной реальности возможна максимизация эмоционально-чувственной составляющей «социального Я», то есть эмоций, обладающих реальностью непосредственного переживания, эмоций, связанных с семьей, человеческими отношениями, сексом, жизненным опытом. Характеризуя черты частной реальности как локального контекста, А. Гелен отмечает, что «она целиком превращается в сферу непосредственного общения, где люди взаимодействуют друг с другом, во всей полноте проявляя свои естественные сильные и слабые стороны, и должны разрешать десятикратно усложняющиеся из-за отсутствия дистанции между ними конфликты, мобилизуя свои скудные индивидуальные возможности» [9].

Одно из проявлений эмоционального «Я» – удивительная осведомленность в вопросах психологии, присутствующая нашему времени. На книжных рынках предлагается «рекомендованная литература» чуть ли не для всех случаев жизни, будь то проблемы с детьми, семейные отношения, кулинарные рецепты или возрастные/личностные кризисы. Но во всех случаях речь идет о приоритете индивидуального опыта в отношениях с социальным миром. Если «индуст-реальность» (по каламбурному термину А. Тоффлера) с ее массовым производством и массовым потреблением требовала коллектива, то теперь общество распадается на сеть локальных социальных связей, выстраивающихся вокруг феномена «Я», защищающего и культивирующего свою инаковость преимущественно в приватной сфере, потому личный опыт приобретает центральное значение. На индивидуализацию как преобладающий тип отношений человека к обществу указывает и С. Жижек, отмечая, что «фундаментальное безразличие позднекапиталистического субъекта вытесняет / скрывает фантом наполненной эмоциями частной жизни, который выступает как фантазматический экран, оберегающий нас от разрушительного опыта Реального страдания других» [3, с. 79].

Следует отметить, что производство аффектов, отличающих частное бытие, сегодня непосредственно связано с их медийной репрезентацией. Так исследователи отмечают четыре основных типа телевизионных передач, обращенных к личному [6, с. 110-111]. «Телевидение сочувствия», где центральной является фигура жертвы, предъявляемая публике, которой предлагается посочувствовать жизненным бедам жертвы (речь может идти о проблемах в семейной сфере, насилии, смерти близких и т.д.). «Телевидение идентичности» – здесь центральной фигурой выступает рядовой человек, не обладающий особой компетентностью в чем-либо (перед камерой происходит своего рода самоанализ применительно к собственному образу жизни). «Телевидение, ориентированное на межличностные отношения» – в программах такого типа внимание сосредоточено на отношениях, которые складываются между людьми, приглашенными «прожить» ситуации, рамки которых заданы создателями передачи. «Телевидение испытания» – в отличие от предыдущих программ, участники здесь не говорят о себе; они задействованы в состязаниях, ролевых играх, предполагающих физическое или ментальное испытание себя. Таким образом, большинство телевизионных программ непосредственно апеллируют к частной реальности

«как сфере эмоциональной жизни души», выводя в дискурс и культурно кодируя различные эмоциональные состояния и ситуации.

В результате современный индивид вместо «аффективного нейтралитета» (в терминологии Т. Парсонса) как ориентации действия находится в постоянном поиске событий, впечатлений, увлеченно существует в атмосфере «общества переживаний». Для субъективности, реализующей себя в атмосфере «общества переживаний», согласно Г. Шульце, важным становится переориентация с внешних атрибутов (потребление утилитарных товаров и услуг), на внутренние, то есть на переживания. Это означает, что человек «запускает процессы, которые разворачиваются в нем самом. Построение собственной биографии рассматривается индивидом как проект «счастливой жизни», состоящий в том, чтобы нечто пережить» [15, с39]. При этом субъектность индивида как «манипулируемого узла желаний» во многом определяется сегодня институтом рыночных отношений, идеологией конюмеризма и товарного фетишизма, ограничивающих наши способности сознательного выбора и действия. Так, например, современная реклама, маркетинг, стремятся искусственно вызвать и преувеличить желания человека – коммерциализировать его эмоции, пренебрегая разумом и свободной волей. С. Жижек замечает, что «на рынке мы все реже покупаем продукты и материальные предметы... и все чаще жизненные переживания – переживания секса, пищи, коммуникации, культурного потребления, причастности к образу жизни» [4, с.159]. В такой ситуации собственное «Я» (тело, эмоции) становится объектом инвестиций и интенсивной работы, функционируя в режиме некоего «предприятия». Так, например, от современного индивида требуется быть компетентным менеджером своих переживаний, уметь «производить впечатление», сознательно обращаться с собственными чувствами.

Обратной стороной проявление эмоционального «Я» как продукта взаимодействия чувств и медиа является небывалая развернутость, определенность, даже обнаженность и несдержанность индивидуальных эмоционально-психологических реакций. Подтверждением этому может служить тотальное стремление, как рядовых членов общества, так и достаточно известных персон, присутствовать в виртуальном мире социальных сетей. Создавая личные «страницы» в «Одноклассни-

ках», «Facebook», «ВКонтакте», пользователи детально расписывают свои вкусы, привычки, предпочтения, эмоциональные состояния; ведя сетевые дневники, фактически демонстрируют друг другу свои private впечатления, при этом постоянно заинтересованно следят за тем, чтобы их «следы присутствия» появлялись как можно чаще и ценились как можно выше.

Как результат, такая публичность интимного посредством интернет-репрезентаций становится своеобразным механизмом привлечения внимания и увеличения видимости. Однако вряд ли здесь имеет смысл говорить о настоящей интимности, она становится частью спектакля, выстроенного в проекции «наедине со всеми», все больше приобретая черты «осознаваемой приватности». В этом, на наш взгляд, и состоит парадоксальность проявления современного «эмоционального Я», природу которого хорошо объясняет теория прагматических режимов Л. Тевено и Л. Болтански. При самом общем подходе «прагматический режим» представляет собой форму организации взаимоотношений человека и вещи. Существуют публичные режимы и режим близости, основанный на близких и дружеских отношениях людей и вещей, то есть такой режим предполагает интимно-сексуальные коннотации [11]. Получается, что в ситуации «осознаваемой приватности» включается не столько режим близости, настоящих эмоций, сколько квазипубличный «режим вовлеченности» (так как речь идет хотя и о публичной, но все же, приватности), построенный в большей степени на оправдании, плановой координации, управлении эмоциями и чувствами. Осознаваемая приватность перестает быть тем местом, где можно расслабиться от «публичного взгляда».

В заключении заметим, что квазипубличный режим вовлеченности вполне контекстуален современной культуре нарциссизма и культуре образа, постоянно культивирующих эмоциональную выразительность «Я» через практики самопрезентации в форме «я-образа», «я-имиджа». Подобные практики уже не просто эгоцентричны, это своеобразная зависимость от собственной персоны. Такая концентрация на себе, по мнению С. Лаша, происходит в форме «эстетизации существования», потому аффективная составляющая «Я» становится важной частью опыта самоидентификации, а эмоциональный фактор – определяющей социетальной характеристикой общества.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Барбалет, Дж. Эмоция, социальная теория и социальная структура: макросоциологический подход / Дж. Барбалет // Социологическое обозрение. – 2002. – Т.2. – № 2. – С. 3–9.
- [2] Бауман, З. Пьер Бурдьё и диалектика *vita contemplativa* и *vita activa* / З. Бауман // Социологический журнал. – 2002. – № 3. – С. 13–19
- [3] Бауман, З. Власть без места, место без власти // Социологический журнал. – №3. – С. 86–100.
- [4] Жижек, С. 13 опытов о Ленине / С. Жижек. – М.: Ад Маргинем, 2003. – 253 с.
- [5] Касториadis, К. Воображаемое установление общества / К. Касториadis; пер с фр. – М.: "Гнозис", "Логос", 2003 – 480 с.
- [6] Мель, Д. Телевидение, обращенное к личному // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. лит. Сер.11: Социология. – М., 2009. – № 2. – С. 109–115.
- [7] Охримчук, Г. Закат оральной демократии в Украине / Г. Охримчук // Хвиля – URL: <http://hvylya.net/analytics/politics/zakat-oralnoy-demokratii-v-ukraine.html>. - Загл. с экрана
- [8] (Пост)феноменология: новая феноменология во Франции и за ее пределами /Сост. С.А. Шолохова, А.В. Ямпольская. – М. Академический проект; Гаудеамус, 2014. – 288 с.
- [9] Руткевич, А.М. Теория институтов А. Гелена / А.М. Руткевич // История философии. – 2000. – Вып.5. – URL: <http://www/iph.ras.ru/page48461754.htm>. – Загл. с экрана
- [10] Социология душевного здоровья: проблемы и тенденции развития (сводный реферат) // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и зарубеж. лит. Сер.11: Социология. – М., 2002. – № 1. – С.73–77.
- [11] Болтански, Л., Тевено, Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / Л. Болтански, Л.

- Тевено; пер с фр. – М.: Новое литературное обозрение. 2013. – 576 с.
- [12] Турен, А. Возвращение человека действующего. Очерк социологии. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.
- [13] Шетткер, Д. Обмен письмами между Н. Элиасом и В. Беньямином / Д. Шетткер // Социальные и гуманитарные науки. Отеч. и заруб. лит. Сер.11: Социология. – М., 1999. – № 2. – С.29–32.
- [14] Штомпка, П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социол. исслед. – 2009. – № 8. – С. 3–12.
- [15] Schulze, G. Die Erlebnisgesellschaft. Kulturosoziologie der Gegenwart / G. Schulze. – Frankfurt am Main, 2005. – 521 s.
- [16] Ямпольская, А.В. Феноменология в Германии и Франции: проблемы метода. – М.: РГГУ, 2013. – 258 с.

REFERENCES (TRANSLATED AND TRANSLITERATED)

- [1] Barbalet, Dzh. Emotion, Social Theory and Social Structure: A Macrosociological Approach // Sotsiologicheskoe obozrenie. – 2002. – Vol. 2. – № 2. – P. 3-9.
- [2] Bauman, Z. Pierre Bourdieu and dialectics vita contemplativa and vita active // Sotsiologicheskii zhurnal. – 2002. – № 3. – P. 13-19
- [3] Bauman, Z. Power without place, place without power // Sotsio-logicheskii zhurnal. – №3. – P. 86–100.
- [4] Zhizhek, S. Repeating Lenin. – Moscow: Ad Marginem., 2002. – 160 p.
- [5] Kastoriadis, K. The Imaginary Institution of Society. – М.: "Gnozis", "Logos", 2003 – 480 p.
- [6] Mel, D. Television privacy // Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otech. i zarubezh. lit. Ser.11: Sotsiologiya. – М., 2009. – № 2. – P. 109-115.
- [7] Okhrimchuk G. Sunset oral democracy in Ukraine // Khvilya – URL: <http://hvylya.net/analytics/politics/zakat-oralnoy-demokratii-v-ukraine.html>. - Zagl. s ekrana
- [8] (Post) Phenomenology: a new phenomenology in France and abroad. – М.: Akademicheskii proekt; Gaudeamus, 2014. – 288 p.
- [9] Rutkevich, A.M. A. Gehlen's theory of institutions // Istorija fi-losofii. – 2000. – Is. 5. – URL: <http://iph.ras.ru/page48461754.htm>.
- [10] Sociology of Mental Health // Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otech. i zarubezh. lit. Ser.11: Sotsiologiya. – М., 2002. – № 1. – P. 73-77.
- [11] Boltanski, L., Teveno, L. On Justification. The Economies of Worth. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie. 2013. – 576 p.
- [12] Turen, A. Return of the Actor. – М.: Nauchnyy mir, 1998. – 204 p.
- [13] Shettker, D. Norbert Elias and Walter Benjamin an exchange of letters and its content // Sotsialnye i gumanitarnye nauki. Otech. i zarubezh. lit. Ser.11: Sotsiologiya. – М., 1999. – № 2. – P. 29-32.
- [14] Shtompka, P. The Focus on Everyday Life: a New Turn in Sociology // Sotsiologicheskie issledovaniya. – 2009. – № 8. – P. 3-12.
- [15] Schulze, G. Die Erlebnisgesellschaft. Kulturosoziologie der Gegenwart / G. Schulze. – Frankfurt am Main, 2005. – 521 s.
- [16] Yampolskaya, A.V. Phenomenology in France and Germany: the problem of the method. – М.: RGGU, 2013. – 258 p.

Affectivity as an attribute of the new subjectivity: ontological and epistemological reconfiguration

H. Khodus

Abstract. The article articulated the problem of the phenomenological reinterpretation of the emotional component of subjectivity, the actualization of which is connected with the process of "social privatization" as the expanding private life – physical, intimate, inner peace. With an emphasis on the specifics of actualization emotional "Me" as an important mode of life creation of personality directly into the atmosphere of "society experiences". These trends are considered against the general background of the reorientation of the modern theory of the "philosophy in the first person".

Keywords: *subjectivity, "emotional turn", social "Me", emotional "Me", "society of impressions", economization of emotions*